

БОРЬБА УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ЗА ЗЕМЛЮ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Н. П. Гриценко

Удельные крестьяне представляли собой одну из категорий непосредственных сельских производителей в крепостной России. В конце XVIII в. удельных крестьян насчитывалось до 600 тыс. душ мужского пола, а накануне реформы их было 825 тыс. душ мужского пола, или более 3% всего

крестьянства России. В Среднем Поволжье удельные крестьяне составляли до 40% всех крестьян. Между тем история удельных крестьян совершенно не изучалась.

Литература об удельных крестьянах весьма скудна и неудовлетворительна. Составители «Истории уделов за столетие их су-

ществования», написанной по заданию Департамента уделов, нарисовали искаженную картину истории удельного крестьянства. Фальсифицируя исторические факты, они стремились скрыть истинное положение удельных крестьян и затушевать их классовую борьбу, которая нередко выливалась в открытые крестьянские волнения¹. Советские исследователи должны создать правдивую историю удельного крестьянства. В данном сообщении мы ставим целью осветить часть этой истории, показать борьбу удельных крестьян Среднего Поволжья за землю в конце XVIII — начале XIX века.

Разряд удельных крестьян был образован из дворцовых крестьян на основании закона от 5 апреля 1797 г. — «Учреждения об императорской фамилии»². Владельцами удельных крестьян были Романовы — первые помещики России. Для управления удельными крестьянами в Петербурге был создан Департамент уделов, в губерниях — удельные экспедиции, а после их ликвидации, в 1808 г., — удельные конторы. Непосредственно удельные крестьяне находились в ведении сельских приказов. Эти учреждения сохранялись вплоть до реформы удельной деревни в 1863 году.

Разряд удельных крестьян возник в период кризиса крепостного строя, когда в недрах этого строя шел процесс развития новых, капиталистических отношений, когда с дальнейшим ростом обмена и развитием внутреннего рынка разрушалась старая хозяйственная система. Товарно-денежные отношения проникали в помещичье хозяйство, которое приспосабливалось к этим отношениям. Помещики сокращали крестьянское землепользование, расширяя свою запашку, и стремились увеличить свои поместья путем покупки или прямого захвата казенной земли. Тяжбы за землю между помещиками усиливаются во второй половине XVIII в. и не прекращаются в последующее время.

В таких условиях правительство приступило к генеральному межеванию земель с

тем, чтобы установить границы казенных и частных владений. Дворянское государство защищало интересы помещиков, которые использовали межевые учреждения для своих выгод. Добиваясь захвата лучших казенных и удельных земель, они пускали в ход подкуп и угрозы. Проведенное в интересах помещиков генеральное межевание привело к расширению дворянского земле- владения за счет казенных и удельных земель и сокращению земельных наделов государственных и удельных крестьян.

Борьба за землю приняла особенно острый характер в Среднем Поволжье. Уже в конце XVII в. земли Среднего Поволжья находились в безраздельном владении дворян. Дворяне захватывали не только «пустопорожние» земли,³ но и земли ясачных крестьян. В XVIII в. на землях Поволжья осели пахотные солдаты, однодворцы, крестьяне — выходцы или переселенцы из центральных уездов государства.

Борьба за землю между помещиками и крестьянами продолжалась многие десятилетия. Крестьяне обращались в Казанскую удельную экспедицию с жалобами на незаконные притязания помещиков. Так, в 1694 г. помещики отняли у крестьян села Сырьсь, Алатырского уезда, 290 четвертей земли⁴. Поверенный крестьян писал в экспедицию, что после смерти князя Л. Ф. Долгорукова все его крестьяне стали дворянами, а затем удельными крестьянами, у которых наследники князя отняли землю. Удельные крестьяне села Жаренок, Арда- товского уезда, с 1754 г. вели тяжбу за землю с помещиками Куломзеными, продолжавшуюся еще в 30-х годах XIX века. В 1773 г. помещик Салтыков отнял 300 десятин земли у крестьян дворцовой деревни Рындиной, Курмышского уезда. Тяжба крестьян с Салтыковым затянулась до начала XIX века. В 70-х годах XVIII в. у дворцовых крестьян села Мордовы, Сенгилеевского уезда, граф Г. Орлов отобрал на Волге два острова «и те сенные покосы, кои должны быть во власти их, ныне (1835 г. — Н. Г.) из найма со взносом Г. Орловым в каждый год по 2 000 руб. чрез что самое мордовские обыватели безвинно терпят крайнее разорение»⁴.

По официальным данным Департамента уделов, только в одной Симбирской губер-

¹ И. И. Вильсон. Выкупные за земли платежи бывших удельных крестьян. «Записки императорского русского географического общества по отделению статистики». Т. V. 1878; Л. В. Ходский. Земля и земледелец. Т. II. СПб. 1891; В. А. Боголюбов. Удельные крестьяне. Великая реформа. Т. II. М. 1911; «История уделов за столетие их существования». Т. I—II. СПб. 1901; Т. III — приложения.

² «Свод удельных постановлений». Ч. I. СПб. 1843, стр. 1.

³ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 534, д. 277, л. 1005.

⁴ Там же, ф. 318, оп. 1, д. 396, л. 537; оп. 3, д. 57, лл. 22—25, 117; ф. 534, д. 167, л. 118.

нии в 1800 г. было 4 606 десятин земли, на которую притязали и удельные крестьяне и помещики, а в 1815 г. такой земли было уже 67 363 десятины⁵. В Казанской губернии, где в начале XIX в. насчитывалось 10 072 ревизских души удельных крестьян, оспаривалось крестьянами 23 797 десятин земли⁶.

Не находя защиты на местах, удельные крестьяне обращались в губернские центры и в столицу. На последние деньги посылали они своих представителей — ходоков — в Петербург искать правды. Годами поверенные крестьян обивали пороги палат и департаментов⁷. Многие месяцы жили они в Петербурге по одному и тому же делу: «о сильно завлаженной (насилно захваченной.— Н. Г.) помещиками земле». Рассмотрение судебных дел по инстанциям проходило медленно. Чиновник министерства юстиции Плисов во время ревизии Казанской губернии в 1847 г. обнаружил, что судебные дела лежат без движения по 10—20—30 лет⁸. По жалобам крестьян суд часто выносил противоречивые решения. Так, помещица Муханова в 1794 г. затеяла тяжбу об исконных землях удельных крестьян деревни Ардатовой, Алатырского уезда. Котьяковский нижний земский суд присудил отрезать ей лес и пахотную землю крестьян. Алатырская нижняя расправа пересмотрела дело и возвратила удельным крестьянам их землю. Тогда Муханова подала апелляцию в Симбирскую палату суда и расправы, затем в 1-й департамент, и дело затянулось на десятки лет. Много раз посылали крестьяне ходоков в Петербург, писали жалобы своему непосредственному начальству, а Муханова за это время порубила просеки, свела более двух верст строевого леса и уничтожила на корню хлеб на полях крестьян, окончательно разорив ардаотовцев. Крестьяне не имели больше средств, чтобы послать опять ходока в Петербург. «Поверенный Макар,— писали они в Казанскую удельную экспедицию,— по неимуществу деревни их крестьян не мог отправиться в Санкт-Петербург для подачи во 2-й Сената Департамент апелляционной жалобы»⁹.

Число крестьянских ходоков, находившихся в Петербурге, было очень значительным. В 1800 г. последовало «высочайшее повеление», запрещавшее крестьянским поверенным пребывание в столице за исключением тех, кто был вызван через газеты или дела которых назначены к рассмотрению¹⁰. Однако поток крестьянских ходоков не уменьшился. Тогда правительство ввело в удельных имениях должность стряпчего, который вел спорные дела удельных крестьян с помещиками и крестьянами других разрядов.

Количество удельных крестьян уменьшилось в связи с массовой раздачей дворцовых земель помещикам. За годы своего царствования Павел I раздал помещикам 287 941 душу мужского пола государственных и дворцовых крестьян. Много крестьян с землями было отдано и помещикам Среднего Поволжья. Помещик В. Мусин-Пушкин получил на дворцовых землях в Ардатовском уезде, Симбирской губернии, 804 души мужского пола; помещик Левашев в Курмышском уезде той же губернии — тысячу душ мужского пола. В Симбирской и Нижегородской губерниях лучшие земли с крестьянами отошли к помещикам Лейхенру, Лейнистету, Макашеву, Мессинго, Саблукову, Эссен, Гуляевым, Гессен, Захарову, Рубанову, Шибусеву и многим другим¹¹. Крестьянам, переходившим к помещикам, полагалось по 15 десятин земли на душу. Там, где земли не хватало, ее пополняли до нормы за счет казенных и удельных земель. Получая эти земли, помещики выбирали для себя физически здоровых, исправно платящих подати крестьян. В удельном хозяйстве оставались неработоспособные, разорившиеся крестьяне. Это еще больше ухудшало положение удельной деревни. В 1798 г. в своем представлении Сенату Департамент уделов сообщал, что помещики оставляли удельному ведомству крестьян «малоумных, одиноких, малолетних, увечных, престарелых и немогущих работать; а при том, на счет же удельных отчислено из пожалованных деревень числившихся в семействах умерших, в рекруты отданных, в бегах находящихся, вышедших в купечество и одного сосланного в ссылку». Кроме того, помещики, «из общественных земель назнача для собственности своей нарезку, по своей воле несоразмерную удельным

⁵ «История уделов за столетие их существования». Т. III (камеральная ведомость); ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 137 (описная книга).

⁶ ГАУО, ф. 534, д. 354 (описная книга).

⁷ Там же, д. 325, л. 801.

⁸ Центральный государственный архив Татарской АССР, ф. 1, оп. 2, д. 566, л. 19.

⁹ ГАУО, ф. 534, д. 58, лл. 492—493.

¹⁰ Там же, л. 471.

¹¹ Там же, д. 127; д. 190, лл. 182—183; д. 226, лл. 188—189.

крестьянам отделением участков их стеснили, и в лесные дачи совсем не допускают»¹².

Некоторые помещики захватывали удельных крестьян сверх числа, обозначенного в жалованных грамотах. Так, помещик Левашев к пожалованной ему тысяче крестьян во время отбора взял сверх нормы 77 человек, из которых удельному ведомству удалось возвратить обратно только 11 крестьян¹³. Помещик Молостов в 1795 г. присвоил 130 дворцовых крестьян в селе Михайловском, Спасского уезда, Казанской губернии. По решению Сената 55 человек он вернул в удельное ведомство, а остальных спрятал в своих отдаленных имениях¹⁴.

Захват помещиками удельных земель сокращал крестьянское землепользование, лишал крестьян лучших земель, лесов и пастбищ. В распоряжении крестьян оставались незначительные земельные площади. Во многих удельных селениях Пензенской губернии крестьяне имели пахотной земли от одной до двух десятин на ревизскую душу. Остальные земли находились под лесом или были непригодны для обработки. Лесными угодьями, которые формально числились за удельными крестьянами, они фактически не пользовались. В 1803 г. советник Казанской удельной экспедиции доносил в Департамент уделов о том, что обер-форшмейстеры (лесничие) «делают свои распоряжения и некоторые с крайним для крестьян отягощением, ибо под предлогом порядка в сбережении лесов не допускают их без особого дозволения даже к рубке дров и прочих мелочей для домашнего обихода; сверх сего предписывают селениям присылать до немалого числа десятских и сторожей, на наем коих употребляется довольноная сумма, собираемая с тех селений»¹⁴. По данным Департамента уделов, в Пензенской губернии в 1800 г. удельным крестьянам не хватало на 22 957 ревизских душ 128 193 десятины пахотной земли¹⁵. Безземелье вынуждало удельных крестьян Пензенской губернии переселяться в Оренбургскую и даже в Таврическую губернии.

Показателем тяжелого положения крестьян являлся рост недоимок. Недоимки в пользу удельного ведомства (без подушной подати) составляли: в 1805 г.— 52 коп., в

1806 г.— 58 коп., в 1807 г.— 1 руб. 08 коп. на одну ревизскую душу¹⁷.

В Симбирской губернии в 1800 г. на 25 343 ревизские души насчитывалось в «единственном» владении (без общего землепользования с другими разрядами крестьян) пахотной земли 80 738 десятин и сенокосной 15 422 десятины, или в среднем до 4 десятин на одну ревизскую душу. Совместно с другими разрядами крестьян удельные крестьяне владели по 5 и даже в отдельных случаях по 8 десятин на ревизскую душу¹⁸. Но было много и таких удельных селений, в которых крестьяне имели небольшие клочки земли или совсем оставались без земли. Так, в описной книге об обеспечении землей удельных крестьян села Стемась, Ардатовского уезда, сказано: «Земли в своем владении ничего не имеют, а довольствуются оною наймом у помещичьих крестьян»¹⁹.

В удельных селениях Казанского, Царевкокшайского, Лаишевского, Чистопольского, Спасского и Тетюшского уездов, Казанской губернии, учтено по седьмой ревизии 11 763 души мужского пола, а пахотной земли в пользовании крестьян находилось 35 380 десятин, усадебной — 573 десятины, под овощными культурами и конопляниками — 929 десятин, под сенокосами — 12 675 десятин, а всего было 49 557 десятин; на одну ревизскую душу приходилось в среднем по 4,2 десятины. Эта общая картина далеко не показывает действительных размеров крестьянского землепользования в отдельных уездах и селениях. К тому же количество земель, находившихся во владении крестьян, быстро сокращалось. В 1820 г. удельных крестьян в Казанской губернии насчитывалось 13 577 душ мужского пола с земельным наделом около 3,5 десятины на душу. В пользовании удельных крестьян Казанской губернии были худшие земли. «При общем обозрении грунта Казанского удельного имения,— говорится в «Кратком статистическом описании»,— оказываются земли низшего достоинства, от Казани на север и восток от сего города, по другой стороне Волги, грунт серый, глинисто-иловатый с большим или меньшим количеством песка, требующий постоянного значительного удобрения. Вследствие плохого качества земли и урожай низкий: уро-

¹² Там же, д. 190, лл. 180—181.

¹³ Там же, д. 272, лл. 575—576.

¹⁴ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 515, оп. 5, д. 1325, л. 7.

¹⁵ Там же, д. 225, л. 393.

¹⁷ Там же, д. 1002, лл. 41—42; д. 257, лл. 36—37, 375—376.

¹⁸ ГАУО, ф. 534, д. 325 (описная книга).

¹⁹ Там же, ф. 318, оп. 1, д. 137, л. 136.

жай ржи по десятилетней сложности сам — 3,5»²⁰.

Царское правительство не могло относиться безразлично к вопросу о землепользовании государственных крестьян. «Снабжение крестьянина землей, — пишет Н. М. Дружинин, — было основным условием феодального хозяйства; земледелец, потерявший надел или оказавшийся малоземельным, становился непригодным источником для барщинной и оброчной эксплуатации»²¹. Чтобы увеличить повинности крестьян, а также обеспечить своевременное поступление оброчных сумм, Департамент уделов добивался наделения удельных крестьян землей за счет государственных земельных фондов.

Подписанный в 1801 г. царский указ устанавливал размер земельного надела для удельных крестьян в 15 десятин на душу и предлагал при генеральном размежевании в Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерниях «...к селениям ведомства удельного департамента... добавить... на душу 5 ревизии в 15 десятинную пропорцию из смежных казенных земель наравне с казенными селениями безденежно»²². Однако этот указ остался на бумаге. Значительная часть казенных земель находилась уже в руках помещиков. Сенаторы Кушелев и Алексеев обследовали в 1800 г. Симбирскую губернию и установили, что в губернии нет ни свободных, ни запасных земель, а если и были, то количество их ничтожно по сравнению с потребностью. Симбирский губернатор отклонил просьбу Казанской удельной экспедиции о переселении удельных крестьян на казенные земли²³. Удельные крестьяне просили, чтобы им разрешили хотя бы арендовать казенные оброчные земли за умеренную плату. Но и в этом им было отказано. Больше того, у удельных крестьян часто отбирали даже те казенные земли, которыми они пользовались десятки лет, и передавали эти земли помещикам. Так, крестьяне деревень Новой Мамангиной и Паникедовки, Пензенской губернии, издавна владели казенной землей, выплачивая за пользование ею установленную аренду. В 1804 г. Пензенская казенная палата отдала эту землю помещику Бахметьеву. Крестьяне были вынуждены арен-

довать ту же землю у Бахметьева за большую плату²⁴.

Учитывая многочисленные просьбы удельных крестьян, удельное ведомство в крайних случаях разрешало им переселение на удельные земли в другие губернии. Но это далеко не всегда изменяло положение крестьян. Лишаясь своих домов, покидая родные места, крестьяне часто не могли на новом месте обзавестись хозяйством. Так, удельные крестьяне, переселившиеся в 1804 г. в деревню Осинов Починок, Казанского уезда, на новом месте получили немногим больше прежнего — десятину в поле на душу, «какого количества для посева хлеба весьма недостаточно, отчего в прокормлении себя и скота по немнению никакого рукоделия претерпевают крайнюю нужду»²⁵.

Указ Александра I от 12 марта 1820 г. запрещал в малоземельных губерниях пожалование земель в частные руки и предоставлял удельным крестьянам одинаковое с государственными крестьянами право на прирезку земли к 15-десятинной норме²⁶. Однако и этот указ фактически не был осуществлен. В Симбирской и Казанской губерниях для этого не хватало 131 944 десятин земли. В 1821 г. Симбирская удельная контора и Департамент уделов, ссылаясь на указ 12 марта 1820 г., просили наделить крестьян землей из казенных оброчных статей, составлявших 12 207 десятин и расположенных рядом с малоземельными удельными селениями Алатырского и Ставропольского уездов. Департамент уделов предлагал своим конторам добиваться прирезки земли удельным крестьянам из казенных земель. Но казенные палаты и Департамент государственных имуществ, ведавшие государственными землями, не могли обеспечить землею даже казенных крестьян. Неслучайно недомки росли и в казенной деревне. В 1822 г. Казанская казенная палата предложила Казанской удельной конторе переселить малоземельных крестьян «в обилующие землями селения». Но таких селений в Казанской губернии почти не было. В 1822 г. из 14 тыс. удельных крестьян губернии только 392 человека владели от 9 до 14 десятин, остальные же имели на ревизскую душу от 1 до 6 десятин пахотной, сенокосной и огородной земли²⁷.

²⁰ Там же, ф. 342, оп. 1, д. 230, лл. 363—387.

²¹ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I, М.-Л. 1946, стр. 61.

²² ГАУО, ф. 534, д. 58, л. 561.

²³ Там же, д. 57, лл. 281—282.

²⁴ Там же, д. 272, лл. 384—385.

²⁵ Там же, д. 274, лл. 334—335.

²⁶ Там же, ф. 318, оп. 1, д. 184, л. 2.

²⁷ Там же, ф. 342, оп. 1, д. 160, лл. 31—32.

Крестьяне посылали своих поверенных в Департамент уделов, заявляя, что им не на что жить и нечем платить подати и удельные оброки. Так, крестьяне села Покровского, Наровчатской округи, Пензенской губернии, дважды посылали ходоков в Петербург с просьбой наделить их землей или переселить в другое место. Но дело кончилось тем, что Департамент уделов приказал Пензенской конторе крестьян-ходоков — Филиппова, Петрова и Давыдова — наказывать розгами при мирской сходке и отослать в смиренный дом на один месяц²⁸.

Несмотря на ходатайства удельных контор, казенные палаты противились переселению удельных крестьян на казенные земли. Осуществить это мероприятие под разными предложениями не соглашались Министерство финансов и Департамент государственных имуществ. Министерство финансов руководствовалось фискальными интересами. Оно стояло на страже казенной собственности и хотело сохранить минимальный надел государственным крестьянам и вместе с тем получить от них больше доходов²⁹. К увеличению доходов стремился и Департамент уделов, руководствуясь интересами императорского дома. Царь заботился не только о классе помещиков в целом, но и о своих личных выгодах. Когда доходы удельного ведомства сократились, то Николай I не остановился перед тем, чтобы передать в 1835 г. более двухсот тысяч государственных крестьян Симбирской губернии в удельное ведомство.

Крестьяне, не получая официального разрешения на переселение, делали это самочинно. В 1831 г. управляющий Пензенской удельной конторой представил в Департамент уделов большой список удельных крестьян, самовольно переселившихся на казенные земли Оренбургской губернии. Некоторые крестьяне отваживались переселяться в далекие губернии. Так, в 1834 г. 21 семья удельных крестьян села Покровского, Пензенской губернии, самовольно переехала в село Астраханку, Таврической губернии. Департамент уделов приказал возвратить крестьян на прежнее место, наложить штраф на каждого из них по 10 рублей «и отослать хозяев каждого семейства в рабочий дом на один месяц». Сельских старшин, допустивших переселе-

ние, также оштрафовать от 10 до 25 руб., отстранить от занимаемой должности и направить в рабочий дом на один месяц³⁰.

Удельные крестьяне пытались улучшить свое положение путем уравнивания земельных наделов внутри своих приказов. Под напором требований крестьян Департамент уделов в 1812 г. предписал своим конторам уравнивать земельные наделы между селениями, размежеванными в одну окружную межу. Для проведения такого межевания предлагалось избрать «добросовестных» крестьян.

Чинчуриновское отделение доносило в Казанскую удельную контору, что после межевания крестьянам досталось на каждую ревизскую душу «по одной десяatine в поле, а сена накашивают на душу только по пяти копеек. Излишней земли, пахотной и сенокосов, ни в каком селении не имеется»³¹. Такая же картина была и в других уездах. Понятно, что от передела земли между селениями общий земельный фонд удельных крестьян не увеличивался.

Борьба за землю шла и внутри крестьянской общины. Одним из проявлений этой борьбы являлись периодические, часто ежегодные, переделы общинных земель с целью уравнивания земельных наделов между крестьянами данного общества. Земельные переделы вызывались ростом населения, малоземельем, различным качеством земли, потерей рабочей силы в том или ином хозяйстве.

Удельные крестьяне, подобно другим разрядам крестьян, выполняли «общегосударственные обязанности», платили подушные подати, отбывали рекрутскую, дорожную и другие повинности. Вместе с тем удельные крестьяне должны были содержать царскую фамилию. Куда шли средства, получаемые с удельных крестьян, говорят следующие данные: в 1812 г. со всех удельных крестьян России Департамент уделов получил подушных податей 3 385 732 руб.; других доходов (от оброчных статей — мельниц, лесных угодий, торговых мест, рыбных ловель и др.) — 1 525 377 руб., а всего 4 911 109 рублей. Из указанных сумм в 1812 г. было израсходовано только на 4 членов царского дома: в. к. Константину Павловичу 550 тыс. руб.; его супруге в. к.

²⁸ Там же, ф. 318, оп. 1, д. 227, л. 15.

²⁹ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 153.

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 271, лл. 719—720.

³¹ ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 76, лл. 1—3, 15.

Анне Федоровне 80 399; на штат двора в. к. Марии Павловны 10 956 руб.; на содержание двора Анны Павловны 140 381 рубль³².

Страдая от малоземелья, крестьяне использовали каждый клочок земли, который раньше считался непригодным для земледелия и сенокосения (болота, пустыри, овраги, земли, поросшие мелким кустарником, «чищебенные места» и т. п.). Больше всего таких мест было в Пензенской губернии³³. Расчищенные земли и осушенные болота принадлежали обычно отдельным хозяевам. В 1798 г. советник Казанской экспедиции писал в Департамент уделов, что в Симбирской губернии «некоторые семейства к отягощению других сотоварищей пользуются чищебенными местами лет по пятидесяти и более»³⁴. Для расчистки таких земель требовалась большая затрата труда, что было не под силу бедному крестьянину. Обычно такими работами занимались зажиточные крестьяне, имевшие лошадей и дополнительную рабочую силу.

Среди удельных крестьян довольно быстро шел процесс имущественного расслоения. Выделялись «мироеды», «статейные» крестьяне, постепенно прибиравшие к рукам своих односельчан, присваивавшие права всего «мира». Менее состоятельные крестьяне попадали к ним в кабалу. Зажиточные крестьяне имели десятки голов скота, несколько лошадей, строили мельницы, вели торговые операции и т. д. Они уже не могли силами своей семьи справиться с сельскохозяйственными работами, а нанимали работников из своих односельчан. Располагая запасами хлеба и деньгами, такие крестьяне в голодные месяцы и годы ссужали бедняков хлебом, а в момент уплаты податей и оброков — деньгами. С помощью отработок или взимания высоких процентов кучка богачей увеличивала свое богатство. Часть богатых крестьян, не довольствуясь своими земельными наделами, покупала землю на стороне, главным образом у помещиков. Так, в 1804 г. крестьянин села Иванькова, Алатырского уезда, Гавриил Иванов купил у помещика Жилина землю «8 четвертей в поле, а в дву потому ж со всеми принадлежащими к той земле угодьи и примерно землею ценою за девятьсот рублей»³⁵. В 1812 г. удель-

ный крестьянин деревни Медведевой, Царевкокшайского уезда, Герасим Бабин имел собственной земли в количестве 271 десятины³⁶. Департамент уделов поощрял такие покупки и использовал их для пополнения своих доходов. В 1802 г. последовало распоряжение немедленно доносить Департаменту уделов о каждой земельной покупке удельных крестьян и записывать на счет удельного ведомства.

Прямых данных, характеризующих экономическую силу тех или иных крестьянских дворов, в документах удельных учреждений нет. Но косвенным путем степень зажиточности крестьян можно установить. Так, в прошении удельного крестьянина села Налитова, Алатырского уезда, Ивана Алексеева на имя Казанской удельной экспедиции о разрешении семейно-имущественного раздела со своим сыном значится следующее имущество: 9 лошадей, 12 голов крупного рогатого скота, 20 овец, 9 свиней, «хоромного строения и хлебопашества имеет довольно»³⁷. В 1806 г. приказной старшина села Сырьес, Алатырского уезда, Пимен Филимонов отделил своему старшему сыну половину общесемейного имущества, состоявшего из 7 лошадей, 10 коров, 50 овец, 20 свиней, 50 ульев пчел, двух мукомольных мельниц (водяная и ветряная), и обязался еще построить ему жилые и хозяйственные постройки³⁸. Филимонов ничего не говорит о земле, но ясно, что в малоземельном Сырьесовском приказе, Алатырского уезда, Филимонов не мог бы держать много скота на обычном земельном наделе, если бы у него не было других земельных угодий.

Зажиточные удельные крестьяне часто строили различные предприятия без ведома удельного ведомства. В 1805 г. товарищ советника Казанской удельной экспедиции при обозрении удельных селений Нижегородской губернии обнаружил 186 водяных мельниц и 63 ветряных, построенных удельными крестьянами без разрешения на то начальства³⁹.

В руки удельных крестьян-богачей попала часть оброчной земли. Так, в 1806 г. удельные крестьяне села Сундорова, Краснослободского уезда, Пензенской губернии, Максимов и Петров взяли оброчную землю

³² ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 29, лл. 20—34.

³³ ГАУО, ф. 534, д. 23, лл. 2—197.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 5, д. 169, л. 3.

³⁵ ГАУО, ф. 534, д. 229, л. 843; д. 3269, л. 1166.

³⁶ Там же, д. 274, лл. 510—511; ф. 342, оп. 1, д. 128, лл. 10—11.

³⁷ Там же, д. 229, лл. 309—310; д. 303, л. 727.

³⁸ Там же, д. 272, лл. 501—504.

в количестве 186 десятины за изрядную сумму денег³⁹. В то же время малоимущий крестьянин, будучи не в состоянии обрабатывать свой участок земли, нередко бросал землю и нанимался в работники к богатей или уходил бурлачить на Волгу или на заработки в город.

Имущество такого крестьянина-бурлака или работника у богатей было ничтожно. Например, после смерти работника, удельного крестьянина Яранской округи Павлова, работавшего по найму у крестьянина-богатей деревни Кокушкиной, Казанского уезда, Дмитрия Иванова, остались такие вещи: «шуба поношенная в рубль пятьдесят копеек, рубаха синяя пестрая льняная, порты посконные белые в девяносто копеек, рукавицы варьи шерстяные русского вязания в десять копеек, мешок портяной в десять копеек, ляпка ременная бурлацкая в двадцать пять копеек, итого на два рубля восемьдесят пять копеек...»⁴⁰.

В правовом отношении удельный крестьянин находился в более благоприятном положении, чем помещичий крестьянин. Это способствовало выделению из среды удельного крестьянства торгово-капиталистических элементов. Добившись материального достатка, удельный крестьянин мог за определенный выкуп, установленный Департаментом уделов, стать свободным и перейти в другое сословие: мещанство или купечество. Некоторые удельные крестьяне-богатей уже не довольствовались эксплуатацией крестьян своей деревни, а переходили на Волгу, Суру, Каму, обзаводились расшивами и другими судами для перевозки хлеба в Рыбинск и другие волжские пристани. Многие богатые удельные крестьяне вели крупные торговые операции, преимущественно хлебом. Так, удельный крестьянин Иван Чураев из деревни Задние Атары, Казанского уезда, скупал хлеб у крестьян и партиями перепродавал в город Казань. Богатые крестьяне сел: Сухая Река, Борисоглебское, Царицыно — и деревень: Караваево, Кадышево, Дербишки и других, расположенных вблизи города Казани, — в начале XIX в. скупали хлеб «не только на рынке, а и даже по дорогам при самом въезде продавцов в город». Этот хлеб они перепродавали по более высоким ценам.

Бывали случаи, когда отдельные удель-

ные крестьяне-богатей обзаводились торговыми и промышленными заведениями в городе. Так, крестьянин села Шумкова, Лаишевского уезда, Казанской губернии, Яковлев просил отпустить его в чистопольское мещанство «во уважение того, что он, проживая в сем городе, обзавелся своим домом и в течение нынешней ревизии, женившись там на ясашной крестьянской дочери, устроил кожевенный завод, на коем производит выделку кож, и что рукоделие сие обратило его более на коммерческие обороты и торговлю, нежели к крестьянскому упражнению, коего он с самого малолетства не производил». Яковлев заплатил удельному ведомству за освобождение от крепостной зависимости 360 руб. и перешел в мещанское сословие.

В 1805 г. удельные крестьяне города Ардатов в числе 18 семейств перешли в мещанство. Крестьянин села Сухой Реки, Казанского уезда, Климентий Афанасьев в 1807 г. также перешел в казанское купечество, уплатив удельному ведомству за выход со своим семейством 2160 рублей⁴¹.

Из всего сказанного можно сделать некоторые общие выводы. Разряд удельных крестьян возник в период разложения феодально-крепостнической системы, когда развитие товарно-денежных отношений повлекло за собой лихорадочную погоню помещиков за землей. В конце XVIII — начале XIX в. помещики увеличивали свои земельные владения за счет землепользования государственных и удельных крестьян.

Землепользование удельных крестьян Среднего Поволжья еще больше сократилось в период генерального межевания и раздачи помещикам удельных земель вместе с крестьянами. Помещики получили тогда не только лучшую землю, и притом в большем количестве, но и захватили как удельные земли, так и удельных крестьян сверх нормы. Попытки наделить удельных крестьян землей за счет казны не дали результатов. Развитие товарно-денежных отношений и сокращение земельных наделов обострили борьбу удельных крестьян за землю, усилили процесс классового раскола крестьян, который проходил в удельных деревнях быстрее, чем в помещичьих.

³⁹ Там же, д. 303, л. 85.

⁴⁰ Там же, д. 272, лл. 951—952.

⁴¹ Там же, д. 191, лл. 100—101; д. 167, лл. 777—779; д. 342, лл. 74—75; д. 344, лл. 349—353; д. 325, л. 31.